

Источник: Шеваров Д. [Рецензия] // Новый мир. – 2004. – № 11. – С. 188-189. – (Рецензии. Обзоры).

Александр Яшин. Слуга народа. Поэзия. Проза. Вологда, «Книжное наследие», 2003, 695 стр.

Книги Александра Яшина не издавались в России лет пятнадцать.

Сейчас уже трудно восстановить контекст эпохи и понять, какое огромное впечатление Александр Яковлевич производил на современников. Без сомнения, он был одной из ключевых фигур русской литературы середины прошлого века. Вспомним, что дружескими отношениями с Яшиным дорожили Пришвин, Чуковский, Симонов, Паустовский, Тендряков и многие, многие...

Когда меня сгибают неудачи,
 Растерянность душой овладевает,
 Бессонница и страх, —
 Бывает все! —
 Я вспоминаю о хороших людях,
 О тех мне близких
 И не очень близких,
 А просто повстречавшихся в дороге...
 И мне становится легко на сердце,
 Ну, не совсем, быть может,
 Но спокойней,
 И хочется еще пожить на свете,
 Полюбоваться небом и землей.

Александр Исаевич Солженицын сидел в больничном коридоре у палаты умирающего Яшина и писал ему письмо — в надежде, что тот еще сможет его прочитать...

Увы, нет до сих пор серьезной, вдумчивой книги о Яшине. Недавно тихо миновала юбилейная дата, девяностолетие Яшина, и наконец-то вышли две его книги. Первая называется «Живая вода» (М., «Русская книга», 2003) — по названию послевоенной яшинской книги лирики, которая была набрана в 1947 году, но в свет так и не вышла. Вторая, «Слуга народа» (по названию одной из самых сильных повестей Яшина), издана на родине поэта, в Вологде.

В эти книги, бережно подготовленные дочерью писателя Наталией Александровной, вошла не только яшинская классика. Здесь нам приоткрывается новый Яшин. Скажу подробнее о вологодской книге, поскольку московское издание по понятным причинам недоступно.

Вологжане впервые без купюр опубликовали повесть «Баба-Яга», задуманную Яшиным еще в 1960 году. Это история о деревенской старухе Устине, прозванной председателем колхоза Бабой Ягой за то, что она, живущая одна-одинешенька в заброшенной деревне на острове, отказывается покидать остров и растит свой огород без руководящих указаний партии. Яшинская повесть во многом предвосхитила «Прощание с Матерой» Валентина Распутина, но при жизни автора не появилась в печати. В 1969 году ее планировал опубликовать Твардовский в «Новом мире», но вскоре он вынужден был уйти из журнала, и набор рассыпался.

Здесь же, в вологодской книге, переиздана другая выстраданная и пророческая повесть Яшина — «Слуга народа». Она появилась только в 80-е годы в журнале «Москва».

Впервые публикуются фрагменты из дневников Яшина последних лет жизни. Читая эти записи, порой кажется: это же про нас, про то, что мы переживаем. Из дневника А. Яшина (2 апреля 1962 года, Дом творчества писателей в Ялте): «Без конца болтают... О чем? Кто что вспомнит из вычитанного из западной литературы, из узнанного о загранице, об американском кино, о кинозвездах... Анекдоты, хохмы о королях, о принцессах... Слушаю, слушаю и ухожу... Хоть бы что-нибудь доброе о нас. О России — не в сочинениях, не для вечности, а так, в простом человеческом разговоре...»

Вспомнилась мне сейчас одна из командировок на вологодский север. Как трясучий «газик» с рваным брезентовым верхом выбрался одним боком на сухую обочину и тормознул у опушки леса, а водитель махнул рукой: «Вон тропинка, глянь... Это на угор, к Яшину...» За глухой стеной тайги ничего особенного не угадывалось. «Газик» рванул, плюхнувшись в очередную лужу, и мы погнали дальше. Куда ехали, за чем спешили — разве теперь вспомнишь? А на Бобришном Угоре не пришлось побывать. Так и спешишь вечно куда-то, лишь краем глаза примечая самое, быть может, главное.

В начале 60-х на Бобришном Угоре, вблизи родной деревни Блудново, русский писатель Александр Яшин построил себе дом. Не коттедж для отдыха, не хоромы, а избенку, уединение для работы. Место это потаенное было примечено им еще в детстве, с друзьями-мальчишками он взбегал на Угор, откуда, кажется, всю Россию видно. Здесь, на Угоре, и похоронить себя завещал.

• Есть снимок поразительный: как через поле, бескрайнее поле, течет по дороге народ — жители окрестных деревень провожают земляка-поэта в последний путь. Женщины в платочках, в старинных домотканых сарафанах... 1968 год. Яшину было всего пятьдесят пять лет.

В его дневниках духовный смысл Бобришного Угора ясно обозначен. Вот из записей 1966 года: «Уже давно у меня появилось желание творческого одиночества — этим объясняется и строительство дома на Бобришном Угоре... Очень уж моя жизнь стала тяжелой, безрадостной в общественном плане. Я слишком много стал понимать и видеть и ни с чем не могу примириться... Переселение на Бобришный Угор... Разложил свои тетрадки и гляжу в окно, наглядеться не могу. Мать и сестра ушли домой под дождем. Я остался и рад. Удивительное чувство покоя. Пожалуй, сейчас я понимаю отшельников, старых русских келейников, их жажду одиночества... Из-за одной этой лунной тихой, правда, еще холодной ночи стоило строить мою избу... Мне такое заточение в глуши лесов, снегов дороже славы и наград — ни униженья, ни оскорбления, ни гоненья. Я тут всегда в своем доме, в своем лесу. Здесь родина моя...»

Конечно, эти минуты затворничества были очень краткими. Надо было возвращаться в Москву, ходить по редакциям, зарабатывать на хлеб. Близкие друзья шутя говорили о семье Александра Яковлевича: «Яшинский колхоз». Семь детей! (Сейчас внуки и правнуки поэта живут не только в России, но и во Франции, куда еще в советские годы уехал сын Яшина Михаил.)

Каждое лето Яшин старался свозить детей на родину. Наталия Александровна Яшина вспоминает: «Я еще помню престольные праздники. Кажется, только что это было. Часовни, которые раньше были в центре деревень, давно сломали, но все равно каждая деревня собирала со всей округи родственников, знакомых, отмечая тот праздник, которому посвящен был престол часовни или храма. На плотиках, на лодках переплывали Юг-реку празднично одетые, подхватывали корзины с пирогами, снедью и шли в дома, где чистота была необыкновенная: выскобленные дрсевой добела некрашенные полы, усталые половиками ручной работы... Деревня жила, хотя свет провели уже после смерти отца и не без его ходатайства...»

Множество крестьянских писем (до сих пор не опубликованных) хранит архив поэта. Некоторые особенно дорогие ему отклики он носил с собой, в кармане, на сердце.